

АРХІВ АКАДЕМІКА А.М. ГРОДЗІНСЬКОГО

Національний ботанічний сад ім. М.М. Гришка НАН України
Україна, 01014 Київ, вул. Тімірязєвська, 1

Переднє слово

Цєю публікацією ми започатковуємо серію матеріалів із архіву видатного українського вченого-фітобіолога, організатора науки і громадського діяча академіка Національної академії наук України Андрія Михайловича Гродзінського. До першої публікації ми підготували матеріали так званого Старого архіву, цю назву дав йому сам господар, і який свого часу був переданий автору Переднього слова вдовою академіка Галиною Семенівною Гродзінською. Дві теки, які не входили до основного архіву вченого, зберігалися у його матері — Віри Пилипівни — до її смерті у 1983 р., а пізніше були родинною реліквією Андрія Михайловича і Галини Семенівни.

В одній із тек зберігалися листи Андрія Михайловича до рідних, які він написав упродовж 1943—1950 рр. (роки навчання в Конь-Колодязькому технікумі та армійської служ-

би), в іншій — щоденникові записи 1941—1950 рр. Перша частина щоденника була систематизована і переписана у січні 1946 р. в два учнівських зошити загальним обсягом 38 сторінок. Ще дві недатовані частини набіло переписані на окремих аркушах і прошиті.

З цих записів ми дізнаємось, що перші уроки ботаніки майбутній академік отримав під час прогулянок з батьками — викладачами Білоцерківського сільськогосподарського інституту — в природу, слухаючи їх професійні бесіди або

спостерігаючи за практичними заняттями студентів інституту. Часто Андрій працював з батьком в інтродукційному розсаднику дендропарку "Олександрія", яким в передвоєнні роки завідував Михайло Карпович. Батько називав рослини, розповідав про їхні властивості і користь для людини. Так непомітно, день за днем, йшло накопичення знань про дивовижний світ рослин, а чіпка пам'ять підлітка фіксувала українські, російські та латинські наукові назви багатьох рос-

лин, які Андрій дуже рано навчився розпізнавати за зовнішніми ознаками.

Часто на екскурсії в природу Андрій ходив зі своїми друзями та молодшим братом Дмитром (теж майбутнім академіком). Записи в щоденниках свідчать, що підлітки блукали не безцільно, а кожен з них, відповідно до своїх захоплень, мав завдання на кожну екскурсію, так би мовити, свої наукові цілі. Андрія в той час дуже захоплювала геологія, тож вся його увага під час екскурсій була зосереджена на збиранні мінералів і гірських порід. Захоплення було настільки сильним, що жвавий і енергійний підліток, якого вабили звичайні хлоп'ячі справи — футбол, велосипед, конструювання детекторних приймачів, колекціонування поштових марок — міг годинами опрацьовувати книгу, яка його захопила і нотувати те, що його цікавило. Так з'явився зошит з описом понад 200 мінералів і гірських порід, які зібрав майбутній вчений, який мріяв стати геологом, адже без геології Андрій не уявляв свого життя.

У дитячі роки він із захопленням читав багато книг А.Е. Ферсмана, В.А. Обручева і Я.І. Перельмана, в яких блискуче описано працю геологів, і Андрій неодмінно бачив себе з молотком геолога — символом цієї романтичної професії.

Друга світова війна поламала долі багатьом людям. Андрію вона перешкодила з навчанням, до якого він так тягнувся. До війни він встиг закінчити лише сім класів, восьмий — доводилося закінчувати в надзвичайно важких умовах евакуації: спочатку в Краснодарі, а пізніше — у станиці Красноармійській на Кубані. Ще важче стало в Алма-Аті¹, куди родина потрапила влітку 1942 р. Тяжко захворів Михайло Карпович, тривалий час лікувався у шпиталях, мати не могла влаштуватись на роботу, а Дмитро був ще школярем. Працювати довелося старшому — Андрію.

Трудову діяльність він розпочав в агрохімічній лабораторії Казахського науково-дослідного інституту землеробства, де доглядав за перегінним кубом для дистиляції води. Тут

його залучили до експериментальної роботи: він вперше взяв участь у дослідженні картаських фосфоритів і з'ясуванні можливостей їх використання як добрив. Для проведення вегетаційних дослідів необхідно було молотком подрібнити більше двох тонн цього мінералу, що Андрій і виконав своїми ще не зміцнілими руками. Після основної роботи він намагався підробляти — рубав комусь дрова, переносив вантажі, за що отримував винагороду буряками або топінамбуром. Це було допомогою родині, яка терпіла скруту і існувала упроголодь.

У травні 1943 р. родина Гродзінських переїхала до селища Конь-Колодязь (нині Липецька обл. Росії), куди батьків направили викладачами сільськогосподарського технікуму, в якому Андрій почав навчатись на другому курсі агрономічного відділення, поєднуючи навчання з виконанням обов'язків бригадира рільничої бригади. Незабаром батьки з молодшим братом повернулися до звільненої від окупантів рідної Білої Церкви, а Андрій у листопаді 1944 р. закінчив технікум і деякий час працював керівником відділення племгоспу в Конь-Колодязі. У березні 1945 р. його призвали в армію. Під час навчання в технікумі та в армійські роки Андрій писав листи рідним майже щоденно і близько 150 з них збереглися в одній із тек "Старого архіву".

Того ж часу він систематизував свої щоденникові записи, першу частину яких практично в повному обсязі запропоновано читачам. В ній зафіксовано події та враження довоєнного часу, початку Великої Вітчизняної війни та евакуацію групи викладачів і співробітників Білоцерківського сільськогосподарського інституту зі своїми родинами. Ці записи надзвичайно унікальні і, на нашу думку, заслуговують на обнародування. Щоденник написаний російською мовою і ми не вважали за необхідне робити його переклад. Текст поданий відповідно до оригіналу, остання редакція якого зроблена автором у січні 1946 р., за винятком незначних редакційних правок.

¹ Нині Алмати.

Діаріуш майбутнього академіка

...1941 год. Чудесный летний воскресный день, какие так часто бывают на Украине в июне. Дима, Зайчик² и я возвращались из леса после обычной нашей прогулки и на окраине встретили ребят, сообщивших нам страшную новость: “Війна з німцями! Молотов по радіо говорив”. Мы сначала им не поверили: тогда много было всяких слухов и сплетен, но все же поспешили домой.

...Всех поразило неожиданное известие. Сильно взволнованные ею, мы находились в предчувствии грозной неизвестности, с жадностью ловили каждую новость, пытались обсуждать как могли, высказывали свои предположения, принимали участие в поимках “диверсанта”, чаще всего невинного человека.

Сразу же была объявлена мобилизация, началось устройство бомбоубежищ, полосками бумаги заклеивали оконные стекла. Появились первые, как мы их называли, беженцы из Западной Украины. Они рассказывали об ужасах бомбежек, панике, трудностях пути и еще больше нас смущали.

Прекратились наши ежедневные прогулки-экскурсии из-за опасности удостоиться участи заведующего краеведческим музеем. Он собирал образцы горных пород для своего музея и был принят за немецкого парашютиста. Конечно, он остался цел, но пока попал в комендатуру, здорово натерпелся. Я и Дима вырыли большую яму — бомбоубежище — на глубину более двух метров.

Дни шли, но особых изменений не происходило. На площади Ленина собирались люди у громкоговорителей в ожидании новостей; казармы на Рокитнянской улице опустели и их окна были заколочены досками. Часто звучали сирены, но ни один “ястребок” не поднимался навстречу немецкому самолету-разведчику, кружившему над городом...

² Анатолий Васильевич Зайцев — друг дитинства. — Прим. В.К.

Вскоре мы получили распоряжение сдать радиоприемник и велосипед. Мы с папой отнесли наш старый “заслуженный” приемник в помещение клуба строителей, где уже громоздились горы приемников разнообразнейших типов. Антенну мы спрятали на чердаке, а мой самодельный детектор сломали и выбросили подальше. Но велосипед мама воспротивилась отдавать. Не знаю почему — мне он был уже мал, да и Дима его давно не трогал. Через несколько дней мы все равно его бросили, но до этого мама много бегала по разным учреждениям и добилась разрешения оставить велосипед. Характер у мамы был настойчивый.

2 июля в городе была объявлена эвакуация. Многие из жителей начали уезжать. Но паника и беспорядок царили при этом невероятные. Большинство людей имели детское представление о войне, полученное из известной картины “Если завтра война”, где наши метко стреляют, а фашисты взрываются и гибнут. Но на самом деле наши отступали, а немцы бомбили город; увеличивалось количество беженцев. Люди еще не могли осознать и поверить, что в такой мирной, родной и красивой их Белой Церкви появятся немцы, будут уничтожаться дома и умирать мирные люди.

4 июля папа пришел из института и сказал: “Нужно собираться. Вероятно, завтра мы уедем. Вещи положим на повозку, а сами пойдем пешком. Взять надо самое необходимое, так как, возможно, иногда вещи придется нести в руках”. Что самое необходимое мы не знали, сильно суетились и в итоге взяли много ненужного и малоценного, хотя можно было взять с собой больше вещей.

5 июля папа примчался из института, где уже паковали ценные приборы и материалы, уничтожали ненужные документы. Он сказал, что мы будем эвакуироваться в лодках по Роси до левого берега Днепра и отплываем вечером. Уедем на две-три недели, подальше от бомбежек. Потом немца погонят и мы вернемся. Рассказал, что в институте в уборную вылили две тонны спирта и тонну эфира.

Охваченный волнением, я ушел на Греблю³, через нее требовалось перетащить 16 лодок института, на которых должны эвакуировать около шестидесяти человек. На берегу находились несколько мужчин и мы приступили к работе. Моя помощь была незначительной, но любовь к приключениям и путешествиям брала верх. Я работал с большим рвением и вскоре совсем выбился из сил. Наконец, с наступлением темноты лодки были спущены ниже плотины.

Я вернулся домой, и вместе с мамой и Димой мы перенесли вещи на берег. Стали грузиться. Нам досталась небольшая плоскодонка с одной парой уключин — одногребка. Грузились также Сицкий, Бузынный, Скоморохов, Подольский, Янушкевич, Минько, Протас со своими семьями. Всего собралось 22 человека, которые заняли 6 лодок. Некоторое время мы ждали остальных, но кто-то вообще не пришел, другие ходили по берегу, повторяя: “Еще не время”. Из съестных припасов мы взяли с собой только немного свинины, сахар и крупу; Виктор Васильевич Бузынный — малокалиберную винтовку — для охраны. Было уже десять вечера. Город погружался во тьму, и по Гребле зашагал патруль — молодые ребята, вооруженные польскими карабинами. Прошла колонна автоматчиков и все стихло.

Мы решили немного отплыть и подождать своих неторопливых попутчиков чуть ниже по течению. Но никого не дождались. Они забрали основной запас продуктов и четыре малокалиберные винтовки и не пришли... Но Бог им судья! Ожидали мы у небольшого островка, там, где улица Надречная спускается к Роси. Прождали большую часть ночи. Потом нас покинул Яков Григорьевич Протас — пожилой одинокий больной мужчина. Он был вдовцом, сын его учился в Севастополе в мореходке. Яков Григорьевич был нашим соседом и другом семьи. Мы не могли помешать ему остаться и я пошел с ним, чтобы помочь отнести вещи.

Ночь была необыкновенно тихая, только где-то далеко звонким лаем заливалась собака. Луна светила необычайно ярко и невольно вспоминалась пушкинская “Полтава”...

Я проводил Якова Григорьевича к дому, простился с ним и его домработницей Маней. Наша квартира была заперта — ключ мама отдала знакомой, которая оставалась в городе. Я, конечно, мог бы забраться в дом, так как хорошо знал все тайные входы и выходы, но я не стал этого делать, а только начертил острой палочкой на дорожке: “Был здесь 6 июля 1941...”

На берегу меня лаем встретил Дружок, видимо, сначала не узнал, а потом виновато завил хвостом и проводил к лодкам. Мы ждали еще долго и, наконец, решили отплыть, так и не дождавшись нечестных товарищей. Еще стояла ночь, хорошо были видны звезды на васильковом небе, отражаясь в спокойной глади реки. Запах скошенного сена, свежесть реки напрочь отогнали сон. Никто не спал, лодки заскользили по течению, весла мерно опускались в воду, образуя водоворотики, а капли, стекая с весел, бисером рассыпались по темной поверхности воды, что в народе считалось признаком предстоящей хорошей погоды. Волнения давно улеглись,плыли молча, но никто не спал, кроме Дружка, поглубже забившегося под скамейку. Проплыли Заречье, Роток, мимо мелькали огороды, луга, поля. Как все тут было знакомо и близко!..

Постепенно небо на востоке становилось светлее и светлее. Гася звезды, свет разливался все шире и шире: из василькового неба превратилось в серо-голубое, а к этим краскам прибавлялись желтые и оранжевые. Вдруг малиновое зарево разлилось по всему горизонту, пурпуром и золотом окрасились высокие перистые облака. Стало совсем светло, на лугах клубился туман, ключьями сползая к реке, порой окутывая и наши лодки. Потянуло предутренним холодком, а за ним брызнули первые солнечные лучи — показался край могучего светила. Лучи заиграли по кустарникам ивняка, скользили по укосам трав и верхушкам деревьев

³ Гребля через Рось. — Прим. В.К.

соседнего леса. Туман таял, проливаясь обильной росой на травы, сонно чирикнула и вдруг звонко запела в камышах первая птица.

Все продрогли и решили пристать к берегу, чтобы размяться и согреться бегом. Но трава, скошенная недели две назад, уже успела отрасти и была мокрой от росы. Никто бегать не стал, чтобы не промочить ноги, только Дружок дал себе волю. Порядочно продрогший, не обращая внимания на росу, он носился кругами, поднимая шлейфы брызг. Водяная пыль светилась радугой и делала Дружка похожим на фантастическое животное. Вскоре он устал и от его боков повалил пар.

На правом берегу, на высоких холмах, раскинулось село Шкаровка. Среди буйной зелени огородов и садов особенно нарядно выглядели белые хаты, чистенькие и аккуратные. Село просыпалось: мычала корова, которую выгоняли на пастбище, громяхая ведрами, к реке направлялась молодая девушка. Возле большой мельницы уже образовалась очередь из нескольких возов. Мы очутились перед первым препятствием на нашем пути: легкой кладочкой; которая протянулась над неглубокой в этом месте рекой. Настил кладки возвышался над водой всего на полметра, так что лодки под ней пройти не могли. Пришлось невольно предпринимать утреннее купание, раздевшись зализывать в воду и проводить лодки под кладочкой; благо, у наших плоскодонок нос и корма были выше середины. Так что мы, попеременно “топили” то нос, то корму, выводя лодки на другую сторону кладки. Это заняло немного времени, но женщины успели купить молоко и устроили нехитрый завтрак.

Левый берег — широкая пойма, где протянулись знаменитые шкаровские луга⁴. Почти ежегодно они затоплялись водой, заносились плодородным илом и поэтому без всякого ухода давали большие укусы сена.

⁴ Шкарівські луки — заплава р. Рось біля с. Шкарівка має ширину до 2 км і славиться багатими природними сіножатями і пасовищами. — Прим. В.К.

Луга эти были богаты разнотравьем, и для папы как для ботаника они представляли настоящий клад. Весной папа целыми днями пропадал на лугах, совершая экскурсии со студентами или собирая гербарий. Здесь цвели желтоглазые ромашки, ближе к берегу — пахучие “кашки”, а на опушках томиловского леса⁵ — веселые колокольчики. До начала войны луга были скошены, но сено не убирали и оно гнило в покосах, сквозь которые уже пробивалась свежая зелень оттавы...

На пути снова очередное препятствие — невысокая плотина, устроенная из фашинов и земли, называемая в этих местах гатью. Мы прокопали в гати канавку, по которой волоком перетаскивали лодки, а потом заложили канавку навозом и землей. Возле гати стояли большая паровая мельница и элеватор. Вероятно, там раздавали зерно, так как собралось много народу с мешками и ведрами.

Ниже плотины река была совсем мелководна и разделялась на множество рукавов, заводей, заливчиков, перекатов и просто луж. Мы несколько раз садились на мель, прежде чем выбрались на широкую воду. Преодолев еще один невысокий деревянный мост тем же способом, что и первую кладочку, мы поплыли по широкой и спокойной реке. Села располагались в основном на высоком правом берегу, а левый — это были необозримые просторы лугов. Река становилась извилистой: села, если по прямой, — почти рядом, а по реке к ним плыть очень долго. Вот на горизонте в десяти километрах по прямой виднеется покрытая лесом гора. Она появляется то впереди, то слева, то справа, то вдруг мы обнаруживаем ее сзади.

Время перевалило уже за полдень, а мы еще ни разу не останавливались на привал. Дело в том, что некоторые из наших товарищей имели непреодолимое стремление плыть как можно быстрее: они боялись немецких парашютистов, бомбежек, недовольства местных жителей и даже собственной

⁵ Томилівський ліс — лісовий масив між м. Біла Церква і с. Томилівка. — Прим. В.К.

тени, противились всякому предложению, которое могло бы повлечь нашу задержку в пути. Это были Скоморохов и Подольский со своими женами. Почему они боялись больше остальных, непонятно, но, очевидно, причины тому имелись. Поэтому они двигались очень нервно, либо опережая нашего признанного флагмана — лодку Антона Лукича Янушкевича, либо, предполагая какую-то опасность впереди, часто мнимую, — отставали. Наконец, они подчинились требованию большинства сделать остановку. Им поручили выбрать место для бивуака. И тут они отличились: среди цветущей украинской природы выбрали вытоптаный, усеянный овечьим навозом выгон подалее от леса. Здесь не было ни чистой воды, ни сухих дров, но зато был круговой обзор, чтобы в случае опасности вовремя ретироваться. Вероятно, им всюду мерещились немецкие парашютисты. Едва мы развели небольшой огонь, чтобы вскипятить воду для чая и поджарить свинину, как они потребовали загасить его, так как его могут обнаружить с воздуха. Они ничего не варили, сидели в лодках, готовые отплыть с приближением опасности. Мы тайком подсмеивались над нашими “героями”, но мама угостила их мясом и налила кипятка.

Привал закончился и все заняли свои места. Дружок, поев соленого мяса и хлеба, жадно лакал речную воду. Лодки выстроились в “боевой” порядок. Впереди, непрерывно дымя сигаретой и споря с женой и свояченицей, гордо плыл наш “адмирал” — Антон Лукич Янушкевич. За ним следовали на двухгребке Подольские и Скомороховы, не всегда державшиеся своего места в походном строю. Третьим рассекал волны остроносый красавец “Еруслан” — собственная лодка и гордость Виктора Васильевича Бузынного. Сам Виктор Васильевич обычно сидел на веслах, а его тесть — Алексей Михайлович — на руле. Иногда их по очереди подменяла Наталья Алексеевна, очень боявшаяся испортить загаром красивый цвет своего лица и маникюр. За “Ерусланом” виляла одnogребка Павла Миновича Зюсько. Он был не совсем здоров, страдал

чем-то похожим на ревматизм, особенно “обострявшийся” при приближении к населенным пунктам или перед трудной работой. Последние два места наша семья делила с семейством Сицких. Леонид Арсеньевич — мужчина средних лет, инженер, много лет проработал на сахарных заводах, а в последние годы преподавал в институте. Софья Антоновна, его супруга, томилась от вынужденного безделья. Она была отличной хозяйкой и в жизни целыми днями хлопотала на кухне и по дому, поддерживая свой дом и семью в образцовом порядке. Их старший сын, Юрий, перед началом войны закончивший десятилетку, и младший, Олег, с шестью классами образования, обладали всесторонней эрудицией и гордились знанием всевозможной техники. Кроме того, это были заядлые спорщики и не уступали друг другу ни в чем. В их споры вмешивалась и младшая сестренка Соня. Спор накалялся, вспоминались прежние обиды и тогда вступали Софья Антоновна и Леонид Арсеньевич. Но их вмешательство не помогало, и над рекой стоял гам, из которого явно выделялись картавые голоса Юры и Олега. Их лодка неизбежно при этом отставала, и Антон Лукич, беспокоясь, спрашивал: “Сицких не видно?” — “Не видно, но слышно”, — смеясь, отвечали мы дружно. Шутка всем нравилась.

Река становилась уже, спокойной змейкой извиваясь между берегами, поросшими камышом, осокой, ивняком, реже ольхой. Дима, приметив интересную птицу, сходил на берег понаблюдать за ней. Птица обычно улетала, но он упорно шел берегом, следя за нашим караваном. Но вот берег стал непроходимым: камыш скрыл нашу “флотилию”, под ногами чавкала грязь, появилась трясина. Перепрыгивая с кочки на кочку, Дима выбирался на более или менее сухое место и продолжал движение вдоль берега. Пока он находился в поле зрения, мы не тревожились, но когда он скрылся в чаще и перестал откликаться, папа с Дружком пристали к берегу и отправились на его поиски. Пес хотя был молодой и неопытный, помог папе

найти Диму, и они вернулись, изрядно измазанные грязью. Переволновавшаяся мама, облегчила свое сердце, сделав Диме несколько строгих предупреждений. Происшествие несколько задержало движение, чем очень были недовольны Скомороховы и Подольские.

День выдался жарким. В небе — ни облачка, солнце безжалостно обжигало оголенные плечи и спины. Дружок, похоже, проклинал свою карельскую шубу и не мог найти себе места. Он прятал голову под скамейку, потом прятался туда целиком. Наконец у него созрело какое-то решение и он резво перескочил через борт лодки и плюхнулся в воду, обдав нас брызгами. Некоторое время он плыл за нашей лодкой, почти целиком погрузившись в воду, старательно оберегая только хвост и уши. Над водой блестели его большие черные глаза и трубой стоял пышный хвост. Плыв он довольно долго, но заметно устал и сделал попытку вернуться в лодку без посторонней помощи. Это ему не удавалось и каждый раз, опершись передними лапами на борт лодки, он срывался и полностью исчезал под водой. Мы потешались над его попытками вернуться в лодку, но потом причалили к берегу и все-таки забрали Дружка в лодку. Неудачи его не остановили и, промокнув, он снова бултыхался в воду. После его очередного купания мы уже не делали остановок, а за ошейник втаскивали Дружка в лодку, и он ложился в образовавшуюся из стекающей с него воды лужу, которая быстро нагревалась.

Наконец, солнце стало клониться к закату. Камыши, ивняк и ольшанники сменились сосновыми лесами, вместо болотистых пошла песчаные берега. Воздух в таких местах был особенно чист и свеж, легкий ветерок приносил облегчение после дневного зноя. Даже Скомороховы и Подольские успокоились, особенно при виде мирного санатория, расположенного на берегу, где женщина стирала белье. Они налегли на веста и ушли далеко вперед, но за ближайшим поворотом мы увидели их растерянными, в нерешительности остановившимися посреди реки.

— В чем дело? — поинтересовался Антон Лукич. — Почему вы не плывете дальше?

— Впереди мост! — испуганно отвечали “беглецы”. — Там может быть охрана или немцы!

Никакой охраны на мосту не оказалось, тем более немцев. Это был мост, по которому проходила ветка железной дороги из Сухолесов на Синявский сахарный завод. Стратегического значения мост не имел, а хозяйственное в то время в расчет не принималось. Тем не менее впоследствии он был взорван.

Село Синява, большое и богатое, располагалось на левом берегу Роси и соединялось с сахарным заводом, который располагался на правом берегу так называемой дамбой, которая была неширокой и низко поднималась над водой. Перетащить через нее лодки не составляло особого труда. Оставив лодки у берега, мы расположились на ночлег в ближайшей хате.

Время было позднее, нас окутывала темная ночь. Эфир был наполнен комариным писком и гулом тракторов, которые непрерывным потоком двигались по дамбе. Гремели по булыжникам повозки, толкали друг друга усталые коровы, блеяли овцы, но все эти шумы перекрывались тракторным ревом. Выполняя распоряжение комитета обороны, украинский народ отправлялся на Восток.

Спали мы очень плохо. В хате было нестерпимо душно, мешали не только гул тракторов, но и доносившиеся взрывы бомб. Над Белой Церковью было видно зарево, а воздух вздрагивал от тяжелых бомбовых ударов.

* * *

Утром женщины занялись приготовлением завтрака, а мужчины отправились на сахарный завод, где главным агрономом работал выпускник БЦСХИ⁶ — бывший ученик папы. Ничего нового он нам не сообщил, вообще говорил очень мало, так как был занят эвакуацией завода. Мужчины принесли более трех десятков полотниц фильтр-прессов.

⁶ Білоцерківський сільськогосподарський інститут. — Прим. В.К.

Папа предлагал сходить еще и взять что-нибудь из одежды, благо, на заводе было много ватников-фуфаяк, но нетерпеливые Скоморохов и Подольский заставили нас немедленно отправляться в путь.

За дамбой, перед старой синявской плотиной, Рось разливается широко, производя впечатление огромного озера, местами заросшего камышом, а на открытых водных гладях сплошь покрытого водяными лилиями и кувшинками. Течение в этом месте очень тихое, почти незаметное; камыши образовали запутанную сеть коридоров, плавание по которым доставило большое удовольствие. На какое-то время все забыли про войну, плотные стены камыша навевали покой и уют, хотя небо над камышовыми коридорами в тот день было пасмурным. Я невольно вспомнил записки Свена Гедина⁷ об охоте на озере Иссык-Куль. Лодки плавно раздвигали зеленые сердечки листьев лилий, которые смыкались, едва лодка проплывала. Весла путались в длинных черешках, иногда они наматывались на весла. Из оторвавшихся черешков мы с Димой сделали несколько длинных ожерелий и награждали ими наших путешественников. Видимо, мы многократно блукали по этим бесконечным коридорам, потому что прошло много времени, пока мы добрались до старой синявской плотины, где и причалили к берегу. Обойти ее было невозможно, так как вода проходила через "шумило". Плотина была высокая, облицована булыжником и мы порядочно намучились, перетаскивая лодки за плотину способом древних варяг — катая их на коротких, круглых "чурках".

Начал моросить мелкий неприятный дождь. Стало сразу же неуютно. Мы укрыли вещи фильтр-прессами, но оказалось, что они пропускают воду. Более получаса мы мокли под дождем, перетаскивая лодки, а затем сразу же тронулись в путь.

Дождь вскоре прекратился, но подул ветер, а небо украсила гигантская семицвет-

ная дуга — веселка⁸. Сквозь разорванные клочья туч стало выглядывать солнце. Оно весело смотрело на умытую дождем природу и ласково обогревало ее после дождя.

За плотиной — река широкая, но неглубокая, покрыта множеством мелей, перекатов и островков. Путь преградил шаткий мостик — кладочка. Мы легко провели наши лодки, оторвав одну из досок, которую затем установили на место. Вскоре мы все дружно сели на мель. Сицкие, пльвшие сзади, с насмешками нас обошли, но вскоре сами сели на мель еще крепче. Лодка у них была самая тяжелая, ибо кроме пяти пассажиров и приличного багажа, они тащили на буксире байдарку Юры с велосипедом. Лодки наши очень напоминали мух, попавших на мед: то одна выберется из плена и выйдет вперед, но опять окажется на мели, то другая. Приходилось самым молодым участникам экспедиции раздеваться, лезть в воду и выводить лодки.

Дальше река пошла тихая и спокойная. Извиваясь плавными излучинами, она спокойно несла свои воды по бесконечной слегка всхолмленной равнине. Встречались острова, поросшие ивой и осокой, и на одном из них мы устроили привал.

По берегам располагались тихие села с живописными деревянными церквушками. Почти у каждого села путь нам преграждала мельничная плотина, сложенная из фашии и земли. Мельницы — ветхие, с темными зевами дверных проемов, а изнутри доносились стук и грохот и вылетала белая мучная пыль. Вода по примитивному шлюзу направлялась в лоток, а оттуда непрерывной струей падала на лопасти старого обомшлого колеса, издающего глухие стуки, и сотрясала все вокруг. Под старыми раскидистыми ивами расположилась очередь из нескольких возов; бородатые "дядьки" спокойно вели беседу. Из темного зева мельницы выходил сам хозяин-мирошник, выволакивая за собой шлейф мучной пыли. Его борода, усы, брови и даже ресницы были белы от осевших на них тончайших пыли-

⁷ Гедин Свен Андерсон (1865—1952) — шведський мандрівник і письменник, досліджував Тибет, Монголію, східний Туркестан. Твори мали популярність у передвоєнні роки. — Прим. В.К.

⁸ Веселкою називали в народі райдугу. — Прим. В.К.

нок. Мне он показался добрым волшебником и я искренне был удивлен, когда услышал его неторопливую речь — самый обычный украинский дядько! Тем не менее меня все это просто заворожило, так как мне до этого не приходилось бывать в селах и все увиденное было для меня новым и необычным.

День, начинавшийся так неуютно, вдруг разгулялся. Исчезли тучи, припекало солнце. Было влажно и душно, и папа предсказал, что будет ливень с грозой. Перед Прусамки, где путь нам преградил большой деревянный мост на каменных быках, река разделялась островом на два рукава. Остров ничем не примечателен — песчаный, низко поднят над водой, порос редкими кустиками ивняка. Левый рукав оказался перегороженным гатью из березовых веток, а правый был свободен и мы направились по нему. Но очень скоро мы поняли свою ошибку: течение, до этого совершенно спокойное и величавое, стало резко ускоряться. Нас силой понесло в сторону большой мельницы, в шлюзы которой с шумом устремлялась вода. Водоросли и другие водные растения, увлекаемые течением, дрожали как натянутые струны. Мы спохватились и стали усиленно грести в обратную сторону. Но не тут-то было! Даже энергичные взмахи весел не давали результата и не могли заставить лодки плыть к берегу. С большим трудом мы прибились к острову и, ухватившись за ветви, медленно продвигались в поисках более спокойного места.

На мосту собралось много людей и все смотрели в сторону Сухолесов, над которыми стояло облако не то дыма, не то пара. Я и папа отправились на мост за новостями, но ничего не узнали, так как радио здесь не работало и никто не мог ничего сказать определенного, зато мы договорились с директором местной школы о ночлеге.

Папа, предсказывавший ливень, оказался прав. Небо быстро заволочли тучи, оно стало темным. Сильными порывами подул ветер, поднявший пыль и сорванные листья. Поверхность реки отливала свинцом и покрылась рябью. Посыпались редкие, но увесистые первые капли дождя. Мы наш-

ли укрытие под мостом в надежде переждать ливень, но удержаться там было нелегко — течением сносило лодки, а за “быки” — совершенно гладкие и скользкие, удерживаться было трудно. Ливень, разгравшийся не на шутку, захлестывал под мост, ветер поднял на реке большие волны с пенистыми гребнями. Волны качали наши лодки и перекачивались через борт. Под дождем мы решили пристать к берегу и перенести вещи в здание школы. В считанные минуты мы все промокли до последней нитки, хотя школа находилась недалеко.

Ночевали мы неуютно: промокшие насквозь, на жестких и не приспособленных для таких целей партах мы все ворочались до утра. Свет не зажигали — надо было соблюдать светомаскировку. Утро посвятили просушиванию одежды и прочей прозе. Папа встретил двух студентов института, которые рассказали нам, что в ночь с шестого на седьмое июля немцы трижды бомбили Белую Церковь, седьмого днем налет повторился, но серьезных разрушений и жертв в городе не было; одна из бомб разорвалась вблизи институтского дома, но он уцелел, вышибло только стекла.

К полудню мы были готовы к отплытию и сходу налегли на весла, стараясь наверстать упущенное время. До самого вечера мы плыли без остановок, а вечером остановились у села Лютары. Расположились на зеленой лужайке под старыми раскидистыми вербами. В этом месте нас обогнали еще две лодки белоцерковцев, эвакуирующихся тем же способом. Нового они нам ничего не сообщили, лишь немного поговорили о бомбежке. Они были очень напуганы и не стали долго задерживаться, поспешив вперед изо всех сил.

Не стали медлить и мы. Несколько крутых поворотов реки, протекающей здесь в песчаных берегах, изредка поросших шелюгой, и наши лодки зашуршали днищами о дно песчаного брода через Рось у подножья высокого обрыва. Дорога по обрыву поднималась на гору, на которой еще можно было различать в сумерках чистенькие хатки жителей села Лютары. Ночь обещала быть те-

плой, и мужчины, отправив женщин и детей в село, остались ночевать в лодках. Мы с семейством Сицких устроились на ночлег у местного жителя, крепко спали всю ночь на твердых стеблях кукурузы. Сон порой прерывал гул пролетающих самолетов и наши “храбрецы” при их появлении бежали и прятались в яме, заросшей ивняком. При дневном свете это “бомбоубежище” выглядело малопривлекательным, и впоследствии мы много смеялись, вспоминая его и наших страдальцев.

* * *

Постепенно мы доплыли до Богуслава. Перед городом Рось пересекает каменную гряду: прямо из земли вырастают гранитные скалы — следы давно минувшей работы ледника. Река, то стесненная каменными стенками, бурно пенясь, устремлялась вперед, то, широко разливаясь, бурлила, вскипала пеной на подводных камнях. В некоторых местах создавалось даже впечатление, что река совсем исчезает.

В Богуславе, сразу же за мостом, посреди реки располагается большой остров, почти каменный. Между огромными валунами были видны поржавевшие кресты старого кладбища. За островом Рось, разделенная на два рукава, как-будто исчезает совсем; видны только нагромождения камней всевозможных размеров.

Было пять часов пополудни, когда мы причалили у моста, по которому двигалось много людей. Мы узнали, что река свободна от камней только за девять километров у села Хохитва. Виктор Васильевич неожиданно для нас нашел частного извозчика и уехал, не дожидаясь остальных. Папа, Антон Лукич и Подольский пошли в горсовет и добились разрешения на пять подвод: ведь иного выхода у нас не было, нужно было перевезти лодки в Хохитву. Мы сложили лодки и вещи на подводы и двинулись по полям колхозов и какой-то опытной станции. Всюду работы приостановились и паровые поля уже курчавились сорняками.

В Хохитву — живописное украинское село, расположенное на склоне холма, мы добрались уже после захода солнца. Лодки

мы сразу же спустили на воду, но решили в селе заночевать. К нашему удивлению, Виктора Васильевича и его “Еруслана” мы не обнаружили. Потом узнали, что частник отвез их на два километра от Богуслава, где была прогалина среди камней, хотя до Хохитвы еще не раз Рось рассыпается на порогах.

Все ушли на ночь в хаты, я же вызвался “дневалить” в первую смену. Вечер был очень теплый, сумерки синей дымкой окутывали берег, сады, в которых утопало это живописное село. На противоположной стороне над рекой нависал крутой обрыв; река дышала свежестью. Шумела вода, пробиваясь сквозь пороги, и я вспомнил о Бузынных, которые где-то тянут лодку по скользким зеленым камням. Ох и досталось, наверное, Виктору Васильевичу от Натальи Алексеевны, да и совесть, наверное, гложет. Вот из-за горы показалась луна. От нее по поверхности реки потянулась фантастическая серебряная дорожка. Выплеснулась рыба, и всплеск хорошо был виден в лунном свете, и еще долго четкими кругами расходились по воде волны.

Наконец добрались измученные Бузынные. Я попросил у Виктора Васильевича мелкокалиберку и сделал несколько выстрелов без прицеливания, получая удовольствие от того, что управляю такой техникой...

Меня сменил Юра Сицкий, но я не пошел в село, а лег спать в лодке. На следующий день отплывали мы очень рано, с восходом солнца. Река текла в пологих берегах, встречались массивы лесов по берегам, но они от берега отступали подальше, обнажая песчаные обрывы, укрепленные узловатыми корнями деревьев. К концу дня снова появился каменный пояс, мы наткнулись на скользкие зеленые камни, а по берегам раскинулись причудливые бараньи лбы.

Перед Стеблевым путь нам преградила невысокая мельничная плотина. Часть воды здесь направлялась к мельничному колесу, а остальная часть, обогнув плотину слева, пенилась и кипела на острых камнях. Берега были высокие и круто обрывались к воде и продвижение “по-варяжски” исключалось.

Оставался один выход — пройти порожи- стую часть узким проливом, где течение ка- залось относительно спокойным. Хозяин мельницы — плотный круглолицый мужчи- на — вызвался нам помочь провести лодки по этому узкому проходу. Действовал он очень уверенно и умело, так что лодки про- шли без единой царапины.

Тем временем солнце уже опустилось со- всем низко. На берегах собирались люди, они с любопытством рассматривали нас, очевидно, считая подобный способ пере- движения чудачеством ученого люда. Испы- тания того дня не закончились, порог у пло- тины оказался не последним: впереди пока- зались две гранитные скалы, которые обра- зовывали своеобразные ворота, где река проходила с сильным течением, пробиваясь сквозь теснину. Любопытное население, тол- пясь бежало по берегу к теснине и на обеих скалах собралось порядочно народу. Ско- мороховы, как всегда выскочившие вперед, заметили опасность и, боясь плыть через опасное место первыми, остановились по- среди узкого прохода, перекрыв путь ос- тальным лодкам. Папа, желая избежать стол- кновения, круто повернул вправо и мы по- неслись на совершенно отвесную гранитную скалу. Лодка потеряла управление и нас по- несло сильное течение. Мы уже реально представили как после теснины всплывут обломки нашей плоскодонки, но вдруг — толчек, и мы “засели” на подводном камне у самой скалы. В этом было наше спасение, хотя сдвинуть лодку с камня оказалось делом непростым, и пока мы пытались это сде- лать, наш караван миновал теснину. Благо- получно закончилась история и для нас.

Было уже темно и мы решили заночевать прямо на берегу. Выбрали неплохое ме- сто — юго-западный склон, спускавшийся к реке песчаным пляжем. Вытащив лодки по- выше, не разжигая костра, перекусили тем, что было в запасах. Я наблюдал за рыба- ком: он держал в руках по удочке, а еще несколько удочек было воткнуто в песок. Рыбак наловил уже порядочную связку ры- бы, а колокольчики на неподвижных удили- щах продолжали позвякивать. Я подошел

поближе, и рыбак мне объяснил, что здесь перед тесниной собирается много рыбы, которая стремится пройти вверх, но не мо- жет преодолеть течения. Я вспомнил рас- сказ из учебника географии о том, как ло- соси идут метать икру в верховья рек и, преодолевая пороги, прыгают с камня на ка-мень, нередко разбиваясь насмерть.

Ночь прошла, на удивление, очень спокой- но. Утром женщины достали молоко — све- жайшее, холодное и очень приятное. Гово- рят, что в этих местах хозяйки нарочно опускают в крынки с молоком ужей, жаб и прочих холоднокровных, чтобы молоко ос- тавалось холодным. Но я этому не верил.

Река продолжала капризничать. Едва мы отплыли и миновали первый поворот, как очутились перед высоким каменным остро- вом. Его подножия, омываемые много лет водами реки, изборожденные весенними льдами, охраняли огромные валуны, напо- минающие на сей раз спящих львов. Почти со всех сторон остров имел отвесные сте- ны, но как ни странно человек проник и на эту твердыню: посреди острова-горы на не- большом клочке наносного грунта бело- розовым пятном выделялось поле гречихи. Рядом с ним — небольшой лужок, на кото- ром косец в белой рубашке, пыхтя и часто останавливаясь, косил траву. Наученные пе- чальным опытом в Прусах, мы не рискнули плыть вперед без предварительной развед- ки. Оставив лодки у берега, мы взобрались на остров и осмотрели с него по очереди оба рукава. Находясь на острове, мы явст- венно слышали шум, который не стихал ни на минуту. Высказывались мнения, что так может шуметь водопад, но папа возражал. Мы дошли до нижнего конца острова и убе- дились в правильности папиного суждения. Скорость течения реки за островом возрас- тала, а ее идеально гладкая поверхность была прочерчена почти параллельными ни- точками пены. Вода падала вниз по наклон- ному обрыву с четырехметровой высоты и вскипала внизу пенными барашками, и шум этой падающей и бурлящей воды мы слы- шали. Пройти на лодках это место вряд ли возможно, да и найти в этих местах смель-

чака, который бы нам помог в этом деле, не менее трудно.

Вернувшись к лодкам, мы пристали к левому берегу реки. Русло преграждала плотина из камня, а за ней река была очень мелкая и сплошь покрыта валунами. Поражало величие окружавшей нас природы. Перед нами возвышался гранитный остров. Желто-красные прожилки пегматита очерчивали серый гранит, делая его удивительно живописным. Левее нас высился обрыв, как бы выложенный из гигантских кирпичей, высота которого достигала метров шестидесяти, и удивительно, что на краю этого обрыва приютился крошечный белый домишко под черепичной крышей. Большие прямоугольные глыбы камней, из которых был сложен этот обрыв, были уложены не очень плотно: между глыбами из-за выветривания образовались щели и по ним можно было взобраться на верх обрыва. С Олегом мы поднялись на высоту метров двадцать, я глянул вниз и у меня закружилась голова. Внизу мы видели хаос из камней, громадных гранитных валунов серого, желтого, коричневого цвета, а иногда пестрых. Ниже острова река разливалась широким озером, привлекательно синевшим в песчаных берегах подобно бирюзе, оправленной в золото. Виднелось село в изумруде огородов и вишневых садов. Вдоволь налюбовавшись красотой этого места, мы вернулись к нашему лагерю.

Женщины уже успели приготовить обед, и мы на время забыли о предстоящей трудности, все еще не ведая, как ее преодолеть. Выход нам неожиданно подсказал Зюсько, успевший переговорить с местным жителем, тем самым, который косил сено на острове. Он взялся нам помочь. Подогнав лодки почти к самому "падуну", мы выгрузили вещи, а косарь привязав к носу лодки длинную веревку, осторожно спускал ее вниз, находясь на берегу. Все это он проделывал так ловко и быстро, что создавалось впечатление, будто это его постоянное занятие. Мы, как могли, отблагодарили виртуоза.

Подобных преград больше не встретилось, хотя течение реки было очень непо-

стоянным: попадались отмели, над которыми вода рябила, и участки полноводья, даже очень глубокие. Прозрачная вода в таких местах отражала голубое небо, курчавые облака причудливых форм. Моя любопытствующая физиономия с облупившимся от солнца носом тоже отражалась в воде, когда я пытался рассматривать подводный мир этой удивительной прекрасной реки. Иногда проплывали мимо заманчивых пляжей, но, не имея возможности остановиться, купались прямо из лодок.

Преодоление множества гатей и кладочек всем казалось уже забавой, так как был накоплен значительный опыт и царила слаженность действий нашего коллектива. К вечеру мы подплывали к селу Яблуновка. Уже стемнело и было решено заночевать. Пришвартовав лодки и привязав их к сваям, которые, видимо, предназначались для строительства моста или причала. Нам разрешили переночевать в здании школы, расположенной недалеко от берега. Поужинать не удалось: молока в селе не было — сердобольные яблуновские хозяйки отдали все проходящим через село новобранцам. Я остался ночевать в лодке вместе с Виктором Васильевичем и Антоном Лукичом. Донимали комары, и мы спасались, укрываясь фильтр-прессами. Ночь была беспокойной: в Корсуне, который расположен недалеко от Яблуновки, немцы сбросили несколько бомб. Все повскакивали, переполох был немалый. Наталья Алексеевна хотела бежать на берег к мужу, но взрывы больше не повторились и все потихоньку успокоились.

За Яблуновкой, перед плотиной Корсуньской ГРЭС, Рось разливалась очень широко, пожалуй, даже шире, чем перед Греблей в Белой Церкви. Ночное происшествие как-то забылось, и мы спокойно плыли посредине реки. Берега оживлялись зеленью садов и огородов, местами путь нам ярко "подсвечивали" подсолнухи, на огородах цвел картофель, а между селами колосились пшеничные поля. Спокойствие невольнo вселилось в наши сердца, и мы спокойно добрались до Корсуни. У моста же перед городом зияли глубокие воронки, и это снова вернуло нас к реальности, напомнило о вой-

не, такой нелепой при виде мирных украинских сел.

Наше плавание длилось уже семь дней и запас хлеба, взятый в дорогу, истощился. В Корсуне можно было попытаться пополнить запасы продовольствия, ведь в селах это сделать намного труднее. Часть мужчин отправились с этим в горторг, остальные оставались у лодок. Виктор Васильевич и Подольский пошли в горсовет, чтобы решить вопрос с перевозом лодок за плотину ГРЭС, объехать которую можно было только городом.

Около полудня к нашему лагерю причалили на лодочке два студента нашего института и физрук Зимарев. Из Белой Церкви они отплывали восьмого июля и ничего нового нам сообщить не могли. Многие жители эвакуировались поездами, некоторые на поездах, а оставшиеся прятались в подвалах домов, в парке "Александрия" и томиловском лесу, так как немецкая авиация регулярно совершала налеты на незащищенный город. Госучреждения не работали, и ребята добирались для призыва в Корсунский военкомат.

Вернулись наши добытчики и принесли около 30 кг хлеба, а через некоторое время Виктор Васильевич и Подольский приехали с тремя грузовиками. Машины предназначались для эвакуации горсовета и райкома партии, но у тех не все было подготовлено и нам разрешили воспользоваться их грузовиками. Мы грузились недолго и вот уже колеса грузовиков, пробежав по мосту, шуршали по пыльной мостовой Корсуни. На ровном шоссе они прибавили скорость. По обочинам дороги мелькали стройные тополя. Проехали рабочий поселок из одноэтажных домишек мимо огородов за заборами из досок, ржавых листов железа и обрывков колючей проволоки; проехали аэродром, совершенно безлюдный. Возле огромных ангаров одиноко стоял часовой. За аэродромом шоссе резко поворачивало влево, а мы поехали прямо полевой дорогой, которая вела к броду через Рось.

Река была здесь быстрая, с мелководьем у берегов, но достаточно глубокая, по фарватер, по которому до войны бегали катера.

Берега были живописно украшены старыми корявыми ивами, порой наклонявшимися до самой воды, выше располагались поля почти уже созревшей пшеницы и матово-зеленые свекловичные поля. В одном месте женщины убирали сено. Скоморохов спросил, что заставляет их выполнять эту работу, когда вокруг все брошено. В ответ слышалась брань и проклятия. Настроение несколько подупало и мы двигались некоторое время молча.

Река долго кружила нас, и Корсунь был в поле зрения, но мы решили без остановки плыть до Набутова. Путь шел мимо хуторка, в садах которого обильно завязались яблоки и груши. На одном из деревьев сидели две иволги, кричавшие нам вслед свое "фиу-лиу", напоминавшее звук флейты. На противоположном низком берегу виднелось большое скопление скота, видимо, перегоняемого на восток. Здесь мы встретили знакомого зоотехника, сопровождавшего институтский скот, и он сказал, что видел Якова Григорьевича, который все-таки не решился остаться в Белой Церкви. Но мы дорожили временем и даже не пытались достать продукты, даже молоко, которого здесь скопилось очень много и его раздавали населению или выливали.

Места не могли оставить нас равнодушными даже в такое время. Неширокая и достаточно глубокая река была затиснута грядой холмов, которые в народе называли — *Мощні гори*. Они были покрыты лесами или садами и отличались необычайной живописностью. Слева показался Набутовский сахарный завод. Его слегка закопченная труба из желтого кирпича служила нам маяком. Мы причалили к деревянному мостику без перил. Территория завода выглядела опустевшей. Наконец показался милиционер, объявивший нам, что на берег здесь высаживаться нельзя, а плыть по реке — сколько угодно. Корпуса завода поражали своими размерами и находились за очень высоким забором. Со стороны реки ограды не было, но весь берег был завален отходами известки, используемой в сахарном производстве. Русло реки было грязное и вздобавок на отмелях лежали десятки вздув-

шихся туш свиней, убитых при бомбардировках завода. Бомбами также была разрушена часть ограды завода и два-три дома по соседству с ним. Мы решили плыть до следующего населенного пункта — села Драбовка.

Потянулась болотистая низина с двумя насыпными дамбами по берегам, образовавшими канал. Окрестные болота, блюдца озер источали сплошной комариный писк и мощное кваканье лягушек. Перед Драбовкой был невысокий мост с ледорезами, а за ним островок, поросший, как и берега, ивняком. За этим островком мы привязали лодки, снесли вещи к хате, расположенной на горе повыше. В хате было очень душно и пахло дымом. Мы устроились спать в курице, но и там уснуть долго не удавалось: казалось все окрестное комарье слетелось к нему, чтобы насладиться кровавым пиром, и всю разошлось десятитысячное лягушечье войско. Вздремнули мы лишь перед рассветом.

* * *

13 июля “совет старейшин” решил провести день отдыха и осмотр лодок для ремонта, чтобы их просмолить, предполагалось также “добыть” что-нибудь на заводе из одежды. Поэтому папа, Сицкий, Зюсько, Юра и я отправились в Набутов. Завод эвакуировался и, кроме 3 кг “вара” для лодок, нам ничего больше добыть не удалось. Возле завода мы встретили еврея из Житомира. Он сообщил нам много нелепостей и, по его словам, от Белой Церкви, которую он проезжал, остались только тлеющие развалины. Мы не поверили в этот бред. Лодки дружно вытащили на берег и перевернули вверх днищами, чтобы они хорошо просохли. Смолить их взялся хозяин хаты, у которого мы ночевали, а также Антон Лукич, немного смыслящий в этом деле. Они варили смолу в котелке, тщательно очищали днища, шпаклевали швы, а затем, налив на швы расплавленного “вара”, разглаживали его специальными “утюгами”.

Сынишка хозяина, Олег, и я отправились с небольшой сеткой-хваткой ловить рыбу. Чуть ниже нашей стоянки, у правого берега

росли могучие ивы, корни которых подмывала вода. В образовавшихся ямах водилось много карасей, окуньков, ершей, бычков и даже налимов. Мы ставили хватку и, топчась в яме, “загоняли” в нее рыбу. За два часа подобных занятий улов был довольно большой. Ближе к вечеру мы с мамой сходили за молоком к эвакуируемому стаду, стоящему недалеко от Драбовки на обширном лугу. Мы прошли главную улицу села и оказались в поле, по которому двигались непрерывно беженцы. Узкой тропинкой мы дошли до стада, где увидели несколько возов, рядом с ними горел костер. Мы подошли ближе и попросили продать молока. Пожилой человек вместо ответа грустно засмеялся и в отчаянии махнул рукой. Кроме него мы увидели также несколько только что родившихся телят, совсем еще слабеньких. Они тянулись мордочками к женщине, которая кормила их молоком из сосуда с резиновой трубкой. Вернулись мы той же дорогой в сопровождении комариных туч, хорошо видных на закате...

14 июля все проснулись очень рано и без завтрака пошли к берегу. Спустили на воду просмоленные лодки, погрузили в них вещи и тронулись в путь. День отдыха укрепил наши силы, лодки скользили легко и быстро. Рось очаровывала всех своей неопишмой красотой. Гладкая и спокойная вода, несмотря на сильное течение, отражала облака, а ночью — мириады звезд, спокойно мерцающих в непостижимой выси. И никакая война, никакие фашисты не могли нарушить их безмятежность. Я смотрел на Млечный путь, находил полярную звезду и думал о бесконечности Вселенной, о далеких мирах, загадочных туманностях, и вся низость этих зверей высшей расы уходила в такие минуты на самый дальний план.

Часами можно было любоваться седыми ивами, купавшими свои ветви в воде. В некоторых местах они на обоих берегах склонялись к середине реки, образуя таинственный коридор. Воздух, насыщенный всевозможными ароматами, был доступнее и понятнее Дружку с его тонким обонянием. Порой мы слушали пение птиц: “фиу-лиу” нарядной иволги, цоканье соро-

копудов, скрекотание сорок и звонкий голос кукушки.

После полудня вид реки сильно изменился. Проплыли леса и по берегам теперь видели только камыши и редкие кустики шелоги. Течение стало еще быстрее, река глубже, а берега круче. На реке появились небольшие водовороты — вода как будто вскипала. Остановились ненадолго в Луках, но это селение резко отличалось от уже увиденных. Здесь уже начали убирать хлеб, народа в селе было мало, и молока мы не смогли купить. Искупавшись без особого удовольствия, тронулись дальше.

Ближе к вечеру проплыли мимо села Крещатик. Здесь мы встретили бывшего управляющего институтским хозяйством — Шакина, одетого в военную форму, а с ним группу мобилизованных мужчин. Похоже, он выпил и чему-то беспричинно радовался. Рассказал кое-что о положении в Черкассах.

Рось вошла уже в долину Днепра и это было видно по речным наносам, встречалась крупная галька. Коренные берега были здесь выражены нечетко, а течение реки, глубокой и полноводной, совсем замедлилось. Но Днепр был все еще впереди.

Для очередного бивуака мы выбрали небольшую прогалинку в густом ивняке, усыпанную крупным галечником и уютно закрытую со всех сторон. Излучина реки образовала в этом месте маленькую бухточку, в которую мы завели лодки. Со Скомороховым, который всегда очень спешил, произошел комический случай, развеселивший нас. Он стоял на носу лодки в позе Петра Великого в своем великолепном кожаном пальто. Лодка была почти у самого берега, он сделал попытку прыгнуть на берег, но ковровая плоскодонка от его толчка отошла назад и бедный доктор плашмя плюхнулся в воду. Ничего не могло удержать нас от хохота, хотя многие осознали, что это не вполне прилично в данной ситуации. Веселилась даже его супруга, забыв в это мгновение обо всем. Отдых был спокойным, и рано утром мы снова были на воде.

По берегам пошли густые леса, где производились рубки и сплав древесины по Днепру. Неторопливо мы продолжали пла-

ванье, выстроившись в кильватер друг другу. Шли спокойные беседы: Сицкий рассказывал веселые истории и забавные анекдоты, а иногда без прицеливания стрелял по лесу. К полудню мы причалили на обширном песчаном пляже у небольшого бревенчатого домика. Место оказалось пустынным: в течение дня не встретили ни одной живой души, но это никого не огорчало. Леса здесь уже не было и далеко-далеко мы видели какое-то село, перед которым простиралась обширная плоская равнина. Лес синел примерно в одном километре, и все, кто помоложе, отправились в лес. В лесу было очень тихо, только верхушки сосен слегка шумели да старая хвоя хрустела под ногами. Я нашел несколько ягод спелой земляники и собрал небольшой букет цветов. Все это я преподнес маме, по установленному у нас обычаю.

По возвращении мы вдоволь накупались, ныряя с бревен, застрявших на отмелях. После приятного обеда продолжили путь. Рось по ширине здесь не уступала Днепру: на пути нам уже встречались большие баржи, пришвартованные у берегов. За очередным поворотом перед нами открылось обширное водное пространство — это был Днепр, река воспетая во многих песнях украинского народа. Течение его оказалось сильнее, чем в устье Роси. Свежий ветерок рябил поверхность его вод, шуршал камышом по берегам. Плыть посредине было немного страшновато — любой пароход своими волнами мог потопить наши лодки, так что мы придерживались берегов. В одном месте моторный паром, перевозивший скот, машины и людей, так качнул нашу лодку, что она, поднятая большой волной, прибилась к берегу, а оттолкнувшись от него, нырнула под воду, зачерпнув до середины бортов воды. Да, большая вода нашим плоскодонкам была не под силу!

Днепровские берега оказались однообразнее, хотя и не были лишены своеобразной красоты. Река протекала посредине своей поймы, коренные берега были далеко и маскировались кустарниками или лесами, растущими в долине реки, а речные берега, высокие, но обрывистые, поросшие шелю-

гой и какими-то вьющимися растениями, были достаточно однообразны. Мы приближались то к одному, то к другому берегу, чтобы обойти отмели и песчаные косы. К вечеру были у водной станции Секирная, которая представляла собой несколько деревянных домиков, грубо срубленный причал для катеров и несколько лодок, вытасенных на берег.

Левее станции располагался небольшой затон, тихий, полный лягушек и комариных туч. Мы решили здесь заночевать и расположились под дубом сразу же за станцией. У местных рыбаков мы купили рыбы и пока не зашло солнце развели костер. Женщины “колдовали” над ужином, после которого мы все уснули. Но спать долго не пришлось: как только в нашем лагере наступила тишина и погасли последние тлеющие головешки, на нас устремились комариные полчища. Комары проникали всюду, жалили нас беспощадно. Только после полуночи их атаки стали ослабевать, но не настолько, чтобы спать спокойно. Спасение принес рассвет, правда, некоторые так устали, что не чувствовали укусов и крепко спали всю ночь.

Утром мы опять жарили оставшуюся рыбу, не спеша собрались и покинули это комариное царство. До Черкасс оставалось чуть более десяти километров. Города мы еще не видели, но уже слышали разрывы бомб над ним и стрельбу наших зениток. Вот перед нами показался мост из металлических конструкций. Мы стали свидетелями как немец из пике сбросил несколько бомб, но они не достигли цели. В ответ несколько залпов дали наши зенитки, но тоже мимо. Зрелище для мальчишек было настолько захватывающим, что мы на какое-то время забыли об опасности — ведь под мостом надо было проплыть. Мы нашли небольшую бухточку, чтобы переждать налет, но нас оттуда попросил часовой с автоматом. Потом мы узнали, что в эту бухточку накануне угодило два десятка немецких бомб. Нам оставалось плыть дальше. У нас проверили документы и разрешили проплыть под мостом. За ним начинался уже городской пляж, вдоль которого было много отмелей и мы частенько на них садились. С

виду все выглядело мирно: лодочная станция, дремавший осводовец в лодке, купающиеся как ни в чем не бывало ребяташки. Но вдруг тревожно завывли гудки и сирены и ребята мгновенно исчезли, осводовец проснулся, а мы рассыпались по левому берегу. Тревога оказалась ложной...

На правом берегу виднелись причалы и пристани, пакгаузы и разные конторы. Черкассы были конечным пунктом нашего вынужденного путешествия на лодках и надо было искать приют. Возле деревянного моста мы нашли не очень крутой берег, но рядом была база нефтепродуктов — соседство не очень приятное. Было решено, не задерживаясь делать пересадку на большой пароход и плыть по Днепру вниз. Лодки мы в этот же день сдали под расписку представителю ОСВОД⁹, а сами перебрались в клуб, где и заночевали.

Всю ночь позванивали стекла окон, обклеенные полосками бумаги, по крыше барабанил град осколков зенитных снарядов. На заре нас не особенно ласково попросили очистить помещение и мы ушли на пристань. Пароход ожидался откуда-то сверху, из Белоруссии.

Он появился после одиннадцати часов. Полчаса заняли все маневрирования и причаливание. В двенадцать мы уже были на борту, стесненные множеством беженцев, среди которых преобладали шумные евреи. Задыхаясь от жары и нестерпимой вони, оглушаемые пронзительным плачем уставших и измотанных дорогой детей, мы отплыли. Рота солдат, также оказавшихся на борту, звонко пела “Галю”...

Спогади матері

Серед матеріалів “Старого архіву”, як назвав його сам Андрій Михайлович Гродзінський, є спогади його матері — Віри Пилипівни Гродзінської, які підтверджують думку про надзвичайну спостережливість сина, що проявилась ще в самому ранньому дитинстві, виняткову працьовитість, відданість

⁹ ОСВОД (рос. м.) — Общество спасения на водах. — Прим. В.К.

науці і ботанічному саду, колектив якого він очолював упродовж 23 років.

Наводимо спогади В.П. Гродзінської без будь-яких змін.

В.В. Кваша

...У 1942 році, під час наших вимушених блукань, коли ми вдруге покидали уже трохи обжите місце, ми йшли за возом із станиці Красноармійської, іноді зупиняючись ближче до лісочків. Запасів харчів наша сім'я майже не мала і харчувалися тим, що було навколо. Попадалися на нашому шляху сади — в них ми запасалися яблуками, грецькими горіхами, а в річках, як могли, ловили рибу. Чогось більш "суттєвого" ми не мали, не було у нас і хліба.

Одного разу на одній із зупинок Андрій взяв відро і лопату і пішов. Деякий час його не було; коли він повернувся, то приніс повне відро картоплі!

— Де ти дістав картоплю, Андрію? — здивувалися ми.

Він унікав відповіді. Справа в тім, що ми мандрували з дядьком Василем Васильовичем із тієї станиці. Сам він сидів на возі, бо він борово, мед, сало, сушені фрукти, а ми мусили йти за возом. Дід з бабою смачно і ситно їли, але коли він побачив картоплю, яку приніс Андрій, то і їм закортілося!

Ми стояли табором на пасіці, якої тут уже не було; пустою була і хатина пасічника, а перед цією хатиною був досить великий майданчик, дуже утрамбований, бо пройшла сила-силенна народу: червоноармійці, евакуйовані. Що то був за майданчик — ніхто не знає. Але на ньому Андрій знайшов картоплю: там раніше було картопляне поле, тепер геть затоптане.

Василь Васильович наступного разу і собі ув'язався за Андрієм. Андрій копав і щоразу викопував картоплю, дядько копне — а картоплі нема! Приніс Андрій знову повне відро картоплі, а Василь Васильович прийшов з пустим і був дуже роздратований. Питаю Андрія: "Як же це так, що ти знову накопав картоплі, а Василь Васильович ні?" Андрій відповів, що коли він зробить запас картоплі, тоді розкриє секрет. А секрет успіху Андрія полягав у тому, що він знав фізіологію

рослин: живі бульби містились в утрамбованій землі, але процес дихання не припинявся, тож бульби трохи проростали і в місцях їх залягання в землі утворювались тріщини. Ось ними і скористався Андрій, а мудрий станичник шукав бульби навмання. Спостережливість сина того разу нас нагодувала, бо такі було сутужно. Тож снідали ми, обідали і вечеряли пюре із роздобутої Андрієм картоплі.

Коли Андрій уже став студентом, ми якось проходили з ним мимо дерева. Він раптом зупинився, зняв з гілочки якусь краплину, що перетворилася в лід, поклав її до рота і каже:

— Почався сокорух, а це вже весна!

— Яка ж весна, Андрію? Адже на вулиці мороз?!

— А все ж таки весна! Подивись, ось надломлена гілочка і з неї витікає сік. І дарма, що він замерз — дерево уже прокинулось!"

Так не раз він дивував нас своєю спостережливістю і умінням робити висновки. Він дивився глибше і бачив набагато більше, ніж ми.

...Коли він уже був директором ботанічного саду, то у вихідні чи святкові дні, особливо коли їх випадало надміру, йшов до свого саду подивитися, що там робиться. Найчастіше ми з Зіною¹⁰ були його свитою...

Якось, 2 травня, пішли ми в сад і вийшли на ділянку "Степу". Там стояла кам'яна "баба", а під нею лежала жінка з великою кількістю квітів у кошику. Андрій дуже розлютився і ми навіть перелякалися, що він її поб'є і за це доведеться відповідати. Ми, як могли, заспокоїли Андрія і все обійшлося...

Я дійшла висновку, що у святкові дні до саду краще не ходити, бо трапляються випадки вкрай непристойної поведінки відвідувачів. Андрій не міг на це спокійно реагувати, у нього псувався настрій, а це неминуче відбивалося на нас.

Якось ми завітали до саду літньої пори: скрізь буяли високі й пишні трави. Андрій привів нас на гору, наказав сидіти на лавочці, а сам десь зник. Довго ми сиділи, а його

¹⁰ Зіна — рідна сестра Віри Пилипівни. — Прим. В.К.

все немає і немає, тож пішли шукати. Аж ось бачимо якийсь чоловік косить траву. Підходимо — а це сам Андрій, роздягнувшись, захоплено вимахує косою! Про нас він, виявилось, забув, захопившись косінням.

Іншого разу він нам показував дорогу, вкриту величезними бетонними плитами, і каже:

— Подивіться! Оцю дорогу я робив! Правда, хороша?..

...У Білоцерківському сільськогосподарському інституті викладачем працювала однокурсниця Андрія — Галина Білевич. Яюсь вона вирішила поїхати з групою студентів до Києва, щоб відвідати ботанічний сад і зустрітись з директором. Ходили вони по саду в пошуках директора, і хтось направив їх до головного входу, туди, де фонтан. Прийшла Галина зі студентами до головного входу і мало не впала від здивування: із каналізаційного люка виліз голий директор, весь брудний і мокрий. Галина відвела студентів, щоб не смущати "мокрого" директора.

Він міг виконувати будь-яку роботу і посади та звання не перешкоджали цьому. Андрій казав, що академік Б.Є. Патон дорікає, що він з'являється на людях у такому вигляді, але переконати Андрія було важко...

Надійшла 20.12.2000

АРХИВ АКАДЕМИКА А.М. ГРОДЗИНСКОГО

В.В. Кваша

Подготовка текста и Предварительное слово

Национальный ботанический сад
им. Н.Н. Гришко НАН Украины, Украина, Киев

Впервые выходят в свет волнующие дневниковые записи известного ученого-фитобиолога, организатора науки и общественного деятеля академика А.М. Гродзинского, которые были написаны им в годы юности. В них отражены события детских лет — драматические эпизоды начала Великой Отечественной войны и эвакуация семей преподавателей Белоцерковского сельскохозяйственного института. Дневник ученого дополнен воспоминаниями его матери — Веры Филипповны Гродзинской, свидетельствующими о наблюдательности, любознательности, трудолюбии и других чертах характера сына.

ARCHIVE OF ACADEMICIAN A.M. GRODZINSKY

V.V. Kvasha

The text and preface by

M.M. Gryshko National Botanical Gardens,
National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine, Kyiv

The exciting diary notes of Academician A.M. Grodzinsky, famous scientist-phytobiologist, organizer of science and public figure which he made in his youth, are published for the first time. The events of his childhood — dramatic episodes of the beginning of the Great Patriotic war and evacuation of teachers' families of the agricultural Institute in Belaya Tserkov are reflected in the notes. The diary notes are completed by some recollections of the scientist's mother — VIRA PYLYPIVNA GRODZINSKA, which are the evidence of observation, intellectual curiosity, industry and other features of her son's character.